

Отыщи всему начало — и ты многое поймешь

Анекдоты, застольные истории, писательские пластинки, театральные байки, семейные легенды — все эти малые жанры устной литературы замечательно сохранились в холодном климате. Запретность их только полировала, устраняя случайное и лишнее, как и полагается в бесписьменных жанрах. Один приятель спросил себя лет пятьдесят тому назад — что это у нас собирают все фольклор крестьянский да городской? Надо воссоздать недостающее звено, дворянский фольклор! У него получилось: «Не спи валетом с отставным корнетом». Типа Козьма Прутков.

Но на самом-то деле — бегство, изгнание, трогательные сцены величия в нищете, неправдоподобные, отчаянно сентиментальные, но тем не менее правдивые отчеты о самопожертвовании и верности, из которых составила после Великой революции французская история и которыми кормилась европейская литература чуть ли не до конца XIX века, — что же это, как не фольклор?

Наше новое изгнание порождало сходные сюжеты. В советской России их записывали так, в эмигрантской — эдак. Взять, например, анархистку Ксению Ге. В эмиграции верили, что добровольцы повесили ее как садистку и изуверку, а в советской книге «Женщина в гражданской войне» (1925) она выведена мученицей. Некая девица, прототип «гадюки» А.Н. Толстого, и правда ушла на гражданскую войну, сражаться вместе с женихом — но только на стороне белых. Версии и сейчас не сведены вместе, а это значит, что до настоящей истории мы еще не дозрели.

Но соберем, что осталось. Запишем кое-как по памяти, хоть память, надо честно сказать, так себе. Но ведь не запишешь так и ухнет с концами. Наконец, из подручных материалов соорудим некое подобие мира, которого больше нет. Может быть, клея и строгая, мы что-то вдруг в нем увидим, чего раньше не замечали, что-то сообразим, в чем-то разберемся?

Кроватка с сеткой

...Ми-ми, Мимишка и просто Мишка. Как-то из этого получилась Мика.

Мика в кроватке. Тут очень опасно. Сетка не защищает: она же дырявая! Не тугая, мягкая, а кругом-то темно. Глаза закрыты, но что-то под веками зыблется, вертится — какая-то пирамида или спираль. Боже! Ведь она из черных ржавых гвоздей, они живые, копошатся, колют, язвят, это ужасно — и вдруг в середине ее беззвучным щелчком загорается страшно яркий свет в виде большого электрического О! Это О растет и поглощает все вокруг себя и жужжит все громче. Мика просыпается оттого, что кричит. Появляется большое прекрасное мамино лицо. Мика говорит: «Автомобильное солнце!» Ну что тут можно объяснить?

...Потом образуется заводной механизм, в нем крутятся маленькие куколки, и механизм с ними что-то делает, одинаковые повороты, одинаковые движения, и это красиво, это завораживает. Но тут что-то не то. Нет, это не куколки, а дети! И этих детей порют. Мика в ледяном ужасе орет и просыпается. Ей страшно

и гадко, потому что это было красиво и ей нравилось. Мама дает ей микстуру. Голове теперь прохладнее...

...Появляется коробочка, открывается. В коробочке балерина, она принцесса, она стоит на одной ножке, она голубая, шелковая, серебряная, брильянтовая. И это сама Мика! Этот сон с балериной ей часто снится. И она рисует принцесс и балерин. Ей говорят: «Балерина Фока! Прыгает высоко».

Плохая

Всюду шерсть. Ее привозят из Риги. Она кусачая. Черный в манишке сибирский кот Васька играет с клубком крашеной красной шерсти. На Мику надевают из этой шерсти колючие чулки, колючий джемпер и колючий капор и сажают в высокую красную коляску, куда-то привозят, там стоит карусель.

Карусель! Она огромная и прекрасная, с громкой музыкой, с золотыми каретками и разноцветными машинками и лошадками белыми, рыжими и серыми в яблоках. Мике очень нравится белая лошадка, вся в золотой упряжи. Ее сажают верхом, и она изо всех сил держится. Это и есть счастье! Карусель тихонько начинает двигаться, это замечательно, ветер в ушах, быстрее, быстрее, и скоро все вокруг уже мелькает и уже почти что невидимо, ничего, ничего, Мика держится... но вдруг в глазах темнеет, все исчезает, и она приходит в себя на грязном, мокром полу, джемпер и чулки изгвазданы. Поднимают, но тут ее начинает тошнить. А она так любит карусель!

В Сортавала розовые валуны. В валунах сияют искры. Под ними радужное озеро. Приезжает папа, они стоят под сосной, и Мика хочет ему сказать что-то вроде: «Давай ты будешь всегда с нами, ты так мне нужен, я тебя безумно люблю. Ты огромный, мудрый и прекрасный. У тебя такой красивый голос, что я просто умираю от счастья, когда его слышу. Вот только начни со мной говорить. Я-то хочу тебе столько сказать, но не могу. Почему ты меня не понимаешь?»

Но он не понимает. А Мика-то даже заговорить с ним не может. Потому что у нее не получается правильный голос — такой, чтоб ее слушали. Всегда не тот звук. Опять, опять. Наверно, она бездарна. И от этой печальной мысли она начинает кричать и плакать. Мика плохая девочка, в четыре года это уже всем ясно.

В шумный летний день завели Мику в какое-то новое место. Внутри очень высоко и все золотое, ходят какие-то с бородами, как веник, в длинных пальто. И гомон страшный, народу битком. Один такой с бородой, вроде Дед Мороза, но борода серая и совсем не добрый, начал ей в рот силком пихать ложку с микстурой. Мика в панике забила ногами и заголова. С тех пор, стоит проштрафиться, все разводят руками и пожимают плечами: «Ясно же — порченая!»

И папа серьезно озабочен. Как все.

Ухожоры

У Микиной мамы мама бабушка Шура, а у нее сестра Аня. Замужем за немногословным лысым человеком дядей Витей (он рисует самолетики в профиль, чтобы не было видно крыльев). Там две дочки, они мамыны кузины и дружат с Микиной мамой, но ее моложе. И у них у всех есть ухожоры. Это молодые люди, главным образом грузины и армяне, с крупными чертами лица, имеющие привычку виться вокруг девушек и шептать им на ухо. Очевидно, поэтому они называются ухожоры. Мики и ее братика это не касается, они маленькие.

Их взяли в Сигулду, на песчаные горы. Пока у взрослых был какой-то пикник и они куда-то карабкались с ухожорами, маленькие катались кубарем с песчаных склонов. И Мике впервые было томительно, оттого что и она сама никому не интересна, и все кругом не по ней. Это было такое первое лето.

Все это происходило на Рижском взморье: долгое сидение в мелкой воде, мелкие ракушки, маленькие

хорошенькие неопасные медузы с цветочками, крошки янтаря. Лучше, чем дрызгаться в Финском заливе в Репино: там море скучное, неподвижное, острая беловатая осока режется, там Микин папа заплывал так далеко, что делалось страшно. Он теперь с ними не живет.

Он от них ушел, уехал на грузовике.

Марья Моревна

На даче на Всеволожской веранда с цветными стеклами, чтоб казалось, что солнце, но всегда дождик. Всюду лужи, кругом лес, а в лесу папоротники и горькуши. Можно устроить домик из стульев и пледа, но только дома, потому что снаружи все время сыро. На веранде чай, остывает быстрое варенье из красной смородины. Прошло лето, как не было.

Начались ранние вставания. Не в школу, а еще в немецкую группу. Вокруг яркой электрической лампочки в непроснувшихся глазах радуга. Мика болтает в воздухе ножками, играет ими. Они спросонок как бы не ее — нет, ее, маленькие, веселые. Влезла в себя, побежала.

Микина первая любимая книжка — сказки Ирины Карнауховой. Марья Моревна в малиновом кокошнике. Она ей снится как терем с малиновым верхом. М малиновое, самое лучшее. Р сине-зеленое, морское, бурлит, ревет. МоРЕВна! Б сине-черное сухое. Я красное, нет, оранжевое! Л, конечно, розовое! Н голубое. А, понятно, белое. У желтое. Т защитного или

табачного цвета. Ч, Ш, Щ — оттенки коричневого, от густого к жидкому. Ю серебряное. Э золотое, дорогое, не наше.

Мике лет пять, она читает в старом-престаром большом кресле Перро с рисунками Дехтерева. А там Мюнхаузен, рисунки Доре. Потом очень скоро Жюль Верн — «Пятнадцатилетний капитан», ее даже взяли на фильм по этой книге. Сеанс 8.30 утра — встали затемно. Сколько радости было! Какие были кораблики! Какие волны! С тех пор Мика была юнга по имени Джек.

А «Таинственный остров»! — Мы поднимаемся! — Нет, напротив, мы опускаемся!

Чемодан

Чемодан со старыми вещами спускают общими усилиями с антресолей, когда надо что-то сшить. Этот чемодан огромный и неподъемный. Он длиною с человека, и у него поперечные бамбуковые ребра. Ручки у него спереди и сзади, чтоб носить вдвоем. Он твердый и при этом картонный. Даже кардонный! Называется «кофр». Кофр приехал с бабушкой из Берлина в незапамятном году вместе со швейной машиной «Зингер», которая с кружевными ножками из чугуна.

Вот он открывается, и это настоящий праздник. Из него достаются белые босоножки, почему-то пошедшие розовыми подпалинами. Рваное пестрое вязанье. Кусочки платья, в резкую черно-белую полоску, а поверх полосок — розы розовые, как живые, с листиками. Остатки креп-жоржета, жатого вдоль, с лиловыми и коричневыми цветами, а внутри им в сердечки добавлен и черный, и оранжевый, и чуть-чуть зеленого, так что дух захватывает от невиданной роскоши. Там же хранится и камень тигровый глаз, бесполезный, но

изумительный: внутри живут золотые искры. Рубашка-бобочка, с узкими и острыми воротничками-язычками и молнией. А вот сиреневая юбка. Это клеш-солнце, брось ее на пол, и она ляжет полным кругом. Но на ней пятна, и она ждет, чтоб из нее что-нибудь сделали новое.

И им, маленьким, с самого начала ясно, что вот он — источник всего прекрасного, незнакомого, чудного. Такого сейчас не делают. Где такое найдешь. Где?

Мика скоро пойдет в школу. Бабушка впервые берет ее в магазин Дэ Эл Тэ, где толчется страшно много людей и где всех этих людей на всех этажах видно одновременно.

Она покупает — покупает! Мике! Новое платье! Белое в синий горошек, и парусиновые туфельки на резиновой подошве, белые с синей каемочкой. Необычайное появилось тогда у Мики новое чувство, что она не просто так — ведь ей покупают новые платья, значит, и она чего-то стоит.

У нее раньше было только одно платье навырост, для больших okazji — темно-синее из чего-то переданное бархатное. А у брата был сшитый всей семьей — мама, бабушка, няня и тетя Зина — костюмчик с брючками гольф, то есть три четверти, из перелицованного старого пальто, твидового в зеленую искру.

Общими усилиями на большом столе стегали и одеяла. Купили темно-розовый шелк, легкую вату, тонкую розовую бумагу (то есть бумажную ткань) на изнанку.